

Примечания

¹ К ним относились: *Савари де Брюлон Ж.* Экстракт Савариева лексикона о коммерции. СПб., 1747; Ключ коммерции, или торговли, то есть наука бухгалтерии, изъясняющая содержание книг, и произведение счетов купеческих. СПб., 1783; *Чулков М.* Написание необходимо нужное для российских купцов, а более для молодых людей. М., 1788; и др.

² См.: *Козлова Н. В.* 1) Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — начало 60-х годов). М., 1999. С. 334–361; 2) Некоторые черты личностного образца купца XVIII в.: (К вопросу о менталитете российского купечества) // Менталитет и культура предпринимательских кругов России XVII–XIX вв. М., 1996. С. 43–57; 3) Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Изв. Т. 117. М., 1989. С. 288–314; и др.; *Кузеванова А. Л.* «Совершенный купец» в России XVIII–XIX вв.: ценностные принципы и их реализация в деловой практике (социологический анализ) // Перспективы науки. 2010. № 12. С. 59–64; и др.

³ *Фомин А.* Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. 1788. Ч. 24. С. 14.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ Подробнее см.: *Преображенский А. А.* Документы об Аляске и Российско-американской компании в коллекции Г. В. Юдина // История СССР. 1981. № 1. С. 100–111; *Петров А. Ю.* Образование Российско-американской компании. М., 2000. С. 19.

⁷ ОПИ ВГИАХМЗ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1–59.

⁸ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190–274.

⁹ Подробную характеристику личного архива М. М. Булдакова и его торговой деятельности см.: *Гузакова М. В.* «Торговые обстоятельства» в переписке купцов Булдаковых // Российская история. 2017. № 4. С. 36–46.

¹⁰ *Чебыкина Г. Н.* Библиотека купца М. Булдакова // Советская мысль. Великий Устюг, 1999. 16 июля (№ 105). С. 3.

М. А. Смирнова

ДНЕВНИК КУПЕЧЕСКОГО СЫНА А. Н. ТАРАСОВА. 1848–1851 гг.

Купеческая мемуаристика как социокультурное явление по праву заслужила внимание исследователей. Еще в 1928 г. Б. Б. Кафенгауз высказал мнение о необходимости тщательного изучения мемуаров и дневников, отразивших «культурную эволюцию» торгового сословия дореволюционной России¹.

Впервые единичные представители русского купечества обратились к мемуарной литературе в последней четверти XVIII в. В первой половине — середине XIX в. написание мемуаров и ведение дневников было прерогативой представителей дворянского сословия и интеллигенции, редкие образцы купеческой мемуаристики были во многом подражательны. Одной из немаловажных

причин появления мемуаров в купеческой среде было приобщение торговцев к книжной культуре².

На протяжении XIX в. происходило становление жанра купеческих мемуаров и дневников. Ранние примеры дневников сложно отделить от записей хозяйственного характера или погодных наблюдений. Такие книги не были личными дневниками, составлялись «на память потомкам» или для практических нужд, могли вестись несколькими авторами, их форма была продиктована устойчивой летописной традицией³. Постепенно жанр купеческого дневника претерпевал эволюцию. Все более распространенным стал интимный дневник с записями личного характера, отражавшими мысли и чувства автора. Источникиведы А. Г. Голиков и Т. А. Круглова определяют такие памятники понятием «дневники-размышления»⁴. Подобные «тайные тетради» появились в дворянской среде, их ведение было, с одной стороны, данью моде, а с другой — внутренней потребностью автора, и все более входило в привычку⁵. Верхушка купечества, особенно молодое поколение, тяготевшее к заимствованию элементов дворянской культуры, также приобщалось к ведению дневников.

Стремление отдельных купцов создать свое жизнеописание или вести дневник отражало процесс формирования самосознания купечества. По замечанию А. В. Семеновой и А. И. Аксенова, «купеческие дневники ... демонстрируют становление человеческой личности с всеобщими ценностями и моралью»⁶. В то же время русское купечество во все периоды своей истории было разнородно по уровню образования, культурным запросам, имущественному положению, не последнюю роль играли региональные особенности. Рафинированное петербургское купечество было менее сплоченным в отличие от московского, стремилось вести аристократический образ жизни и использовало любую возможность получить чины и дворянство. Тем самым столичная купеческая корпорация стремительно размывалась, а «память о купеческом прошлом уходила из общественной памяти, из памяти семейной еще до 1917 г.»⁷. Сфера коммерческой деятельности петербургских предпринимателей часто была ориентирована на заграничные торговые операции, обслуживание казенных поставок и сферу финансов.

К высшему кругу петербургского купечества принадлежала фамилия Тарасовых. До нашего времени дошел чудом сохранившийся дневник представителя этой семьи.

Автор дневника, Алексей Николаевич Тарасов (1827–1867), был потомственным почетным гражданином и принадлежал к купеческой верхушке столицы. Старообрядцы Тарасовы происходили из крестьян Севера России и обосновались в Петербурге при Петре Великом как первостроители города⁸. Они работали на Охтинской корабельной верфи резчиками по дереву, с XVIII в. стали брать строительные подряды⁹, в XIX в. были известны как паркетчики и позолотчики¹⁰. Мастера Тарасовы принимали участие в отделке Зимнего, Михайловского, Екатерининского дворцов, Старого Эрмитажа¹¹, здания Главного почтамта¹². На протяжении XVIII — первой половины XIX в. Тарасовы жили на Охте, наиболее уважаемые представители семейства были местными старшинами¹³, активно участвовали в жизни Большеохтинского прихода и старо-

обрядческой общины¹⁴. Память о купцах запечатлелась в городской топонимике — современная улица Егорова на Охте ранее называлась Тарасовским переулком. С середины XIX до начала XX столетия одна из ветвей рода Тарасовых жила в собственном доме, построенном в 1849 г. по проекту архитектора Г. Э. Боссе (наб. р. Фонтанки, д. 116), и владела несколькими домами неподалеку¹⁵.

Отец А. Н. Тарасова, Николай Степанович (1800–1869), с 1834 г. состоял в петербургском купечестве 2-й гильдии, с 1838 г. — 1-й гильдии, а с 1846 г. был в сословии потомственных почетных граждан, имел звание коммерции советника и занимался строительными подрядами¹⁶. Алексей был единственным сыном и наследником в семье. На страницах дневника мелькают имена многих родственников из большой и разветвленной семьи Тарасовых, а также фамилии представителей столичной купеческой верхушки середины XIX в.: Елисеевых, Целибеевых, Полиловых, Тюменевых, Харичковых.

Дневник А. Н. Тарасова хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки¹⁷. Он был введен в научный оборот и опубликован сравнительно недавно¹⁸. Основываясь на данных из Книги поступлений Отдела рукописей, документ поступил в Публичную библиотеку в 1945 г. и входил в число материалов, спасенных сотрудниками библиотеки из разрушенных домов блокадного Ленинграда¹⁹. Проследить, кто был владельцем рукописи до войны, не представляется возможным.

Автограф дневника представляет собой тетрадь формата Q (в четверку, 16,2×10,4 см) в картонном переплете. В первой записи автор заметил: «Начинаю писать вторую книгу своего бытия и деяний»²⁰, скорее всего, он вел дневник и ранее. Выявить ни более ранних, ни более поздних дневников Тарасова к настоящему времени не удалось.

В дневник занесены записи за небольшой период — с 1848 по 1851 г. Автору в то время было немногим более 20 лет и он «только получил, хотя и неполную, власть в своих поступках»²¹. Юноша делился с дневником сокровенными переживаниями, описывал свой досуг, фиксировал ежедневные занятия. О личных целях ведения дневника автор заметил уже ближе к его концу: «а все лучше записать прошедшее, чтобы читать в будущее время от скуки»²².

Информационный потенциал дневника Тарасова не столь велик в сравнении с иными купеческими дневниками, большими по объему или периоду ведения. Он интересен сам по себе как явление, характеризующее устроение, самосознание, повседневную историю петербургского купечества. Для того, чтобы приблизиться к пониманию «взаимоотношений» автора и его дневника, надо поставить несколько вопросов.

Было ли ведение дневника внутренней потребностью автора или данью моде? Записи в тетради часто нерегулярные и автор сам винит себя в «ленности», которую он не в силах превозмочь²³. Юноша старается сделать привычкой ежедневное обращение к дневнику. Записи велись с 1 декабря 1848 г. по 16 апреля 1851 г.: события описывались сразу после того, как они произошли; заметки заносились почти каждый день, иногда с перерывом в несколько дней. Трижды Тарасов «забрасывал» свой дневник на несколько месяцев.

Отчасти ведение дневника было для автора данью моде. Тарасов, как и большинство представителей «золотой молодежи» петербургского купечества, всячески старался соответствовать дворянскому образу жизни. Танцы, светские мероприятия, протест против многих купеческих обычаев — вот чему посвящены дневниковые записи юноши.

В то же время круг общения молодого коммерсанта был исключительно купеческим, несмотря на женитьбу, он продолжал состоять в семье отца, где главенствовал полный патриархат, жесткое подчинение родителю. На страницах дневника встречаются замечания: «получил выговор, или нагоняй от Тятиньки»²⁴, «того и смотришь, чтобы от батюшки не получить родительского наставления, т. е. хорошего шелчка»²⁵; двоюродный брат В. С. Тарасов «жаловался на отца, что житья нет от его ворчанья и брани»²⁶.

Чем же был дневник для его автора? Прежде всего, собеседником. Тарасов вел дневник для себя, он был отдушиной для юноши, в него заносились записи о том, что автор делал втайне от отца: посещал маскарады, танцклассы, назначал свидания, обучался танцам. По-видимому, близкие не знали о существовании тетради.

Дневник охватывает события всего нескольких лет, но за этот период видно, как изменилось отношение к нему автора. Записи отражают взросление и возмужание юноши. Поначалу тетрадь наполнена сведениями о развлечениях, обедах, посещениях театров, гораздо реже встречаются краткие упоминания о работе и чтении. Но вот юноше объявляют о его скорой женитьбе, и он делает пространственные записи о своих сомнениях и переживаниях, о нежелании жениться на незнакомой девушке. Затем описана первая встреча с невестой, дневник становится свидетелем возникшего и нарастающего взаимного чувства между молодыми.

Тарасов был женат дважды. Первым браком — на старшей дочери купца Г. П. Елисеева Елизавете Григорьевне (1829–1849)²⁷. В дневнике подробно освещена подготовка свадьбы, которая состоялась 6 февраля 1849 г.

Кульминация всего дневника — описание болезни и смерти жены. Эти записи сделаны спустя несколько месяцев после ее кончины. На нескольких листах проносится короткая супружеская жизнь, которая рано была омрачена недугом жены. Особенно подробно и эмоционально описан момент прощания и чтения отходной. Эти записи ничуть не были формальной констатацией события, в них заключены горькие переживания. «Прошло семь месяцев, а с ними и моя отрада. Еще не писал о свадьбе, а уже надобно писать о похоронах»²⁸.

Столь быстрая и горькая утрата близкого и родного человека стала потрясением для автора. Тарасов признается сам себе: «Нет, я уже совсем не тот, что был прежде. Нет-нет, совсем стал не такой, как бывало холостой, но пустоголовие в сторону»²⁹.

В память о жене и дочери Тарасовы и Елисеевы 18 октября 1856 г. основали Елисаветинскую богадельню. До своей смерти автор дневника состоял в ней экономом³⁰. После смерти самого А. Н. Тарасова в память о нем в 1867–1868 гг. членами семьи Тарасовых над фамильной усыпальницей на Большеохтинском кладбище была построена Алексеевская церковь по проекту архитектора И. В. Штрёма³¹.

Вторым браком А. Н. Тарасов сочетался с Екатериной Васильевной Поповой³². Самые последние записи в дневнике повествуют о сговоре двух семей и о планируемой скорой свадьбе. У Алексея и Екатерины было семь детей — четыре дочери и три сына. Судьба сыновей сложилась по-разному — никто из них не продолжил коммерческих занятий отца. Алексей (1854–1910) стал врачом³³, Николай (1853 – не ранее 1918) окончил Институт инженеров путей сообщения, служил в Министерстве путей сообщения и сделал карьеру чиновника, получил звание действительного статского советника и потомственное дворянство, был председателем правления Городского кредитного общества³⁴. Сергей (1857 – не ранее 1918) избрал путь военного, а в начале XX в. активно участвовал в городском самоуправлении, занимая пост товарища городского головы³⁵.

Автор дневника нетипично мало для представителя купеческой среды уделял внимания своим предпринимательским занятиям. В тексте встречаются лишь отдельные упоминания коммерческого дела семьи. Тарасов отметил, например, что в мастерских «подбирал резьбу для дверей в Оничкин дворец»³⁶. В 1848 г. производился крупный ремонт Аничкова дворца, перестройка парадных гостиных выполнялась под руководством архитектора З. Ф. Дильдина. Согласно подряду, Тарасовы производили в четырех комнатах дворца (Желтой, Белой, Малиновой и Опочивальне) позолотные работы: «вызолочены вновь все лепные украшения на потолках, карнизах и фризах, а также разные украшения на дверях и каминах, и сделаны вновь в Желтую комнату багеты с резными украшениями и ... вызолочены»³⁷.

Это не означает, что обязанности юноши были сведены к минимуму — многие даты имеют отметки: «весь день был во дворце», «и опять во дворец, где и был до сумерек», «занимался с мастеровыми» и т. д. Записи за 1849–1851 гг. содержат сведения о частом посещении автором Мраморного дворца, в перестройке и отделке которого Тарасовы также принимали активное участие. Столь малое внимание к служебным делам свидетельствует о том, что автора они мало занимали, что вполне естественно для 20-летнего юноши.

Дневник содержит ценные сведения о досуге молодых людей купеческого сословия середины XIX в. Нередки описания выездов в театр, где присутствовали многие известные лица, в том числе и император Николай I, посещений балов в Дворянском собрании. На страницах дневника есть замечания и отзывы об игре известных драматических актеров того времени: А. Е. Мартынова, М. Д. Дюр, Н. В. и В. В. Самойловых, А. М. Максимова, Е. Н. Жулевой. Также текст дневника дает сведения о менее высокохудожественных, но популярных театральных постановках комедий и водевилей. Дневник является ценным источником по истории увеселительных заведений Петербурга середины XIX в.: изо дня в день автор делал записи о посещении недавно открытого Пассажа, ресторанов, кондитерских, танцклассов и давал этим заведениям оценки. В дневнике описаны традиционные масленичные забавы купеческой молодежи, в частности, катальные горки.

Автор дневника был достаточно образован для своего времени и круга: Тарасов много писал о прочитанных книгах, а читал он журналы «Современник»,

«Иллюстрация», произведения Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича, Н. А. Некрасова. В то же время в тексте дневника присутствуют многочисленные орфографические ошибки.

По справедливому наблюдению А. С. Майоровой, «купеческая мемуаристика, имеющаяся сегодня в распоряжении историка, открывает новые перспективы в изучении эволюции купеческого сословия .... И так как возникшие в дореволюционную эпоху источники расплывлены по многим архивохранилищам, в том числе провинциальным, а их точной стратиграфии не существует, находки в этой сфере еще впереди»³⁸. Поиск и изучение личных дневников позволит еще немного приоткрыть дверь и познакомиться с «внутренним миром» русского купечества.

Примечания

¹ *Кафенгауз Б. Б.* Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: Очерки по социальной и экономической истории XVI–XIX веков. М., 1928. С. 127.

² *Брянцев М. В.* Культура русского купечества: (Воспитание и образование). Брянск, 1999. С. 145.

³ *Смирнова М. А.* Мемуары и дневники петербургских купцов конца XVIII — начала XX вв. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 82.

⁴ *Голиков А. Г., Круглова Т. А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 404.

⁵ *Лохина Т. В.* Рукописная культура пушкинской эпохи: Источниковедческий аспект // АЕ за 1999 год. М., 2000. С. 43.

⁶ *Семенова А. В., Аксенов А. И.* Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. М., 2007. С. 4.

⁷ *Краско А. В.* К вопросу о персональном составе петербургского купечества // Петербургские исследования: Сб. науч. ст. Вып. 5. СПб., 2014. С. 55–56.

⁸ *Оффенгейм А. Т.* Семья Тарасовых в Петербурге: XVIII — начало XX века // История Петербурга. 2003. № 2. С. 40; ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об, 10, 30 об. Наиболее подробно коммерческое и общественное дело Тарасовых описано А. В. Краско: *Краско А. В.* Петербургское купечество: Страницы семейных историй. М.; СПб., 2010. С. 184–208.

⁹ *Краско А. В.* Дома купцов Елисеевых. СПб., 1997. С. 32.

¹⁰ *Овсянников Ю. М.* Великие зодчие Санкт-Петербурга: Доменико Трезини, Франческо Растрелли, Карл Росси. СПб., 1996. С. 439, 464; *Оффенгейм А. Т.* Семья Тарасовых в Петербурге... С. 40.

¹¹ *Соловьев К. А.* Русский художественный паркет. М., 1953. С. 14–15, 20.

¹² *Самусьев Г. Е.* Санкт-Петербургский почтамт и его строители: Ист. очерк. Пг., 1923. С. 35.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 391. Оп. 1. Д. 292.

¹⁴ *Мансуров Б. П.* Охтенские адмиралтейские селения: Очерк. СПб., 1855. С. 108; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 7. СПб., 1883. С. 190–207.

¹⁵ Управляющим домовладениями Тарасовых служил А. И. Засосов. Сведения о жизни семьи Тарасовых в конце XIX — начале XX в. см. в мемуарах сына А. И. Засосова: *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов: Записки очевидцев. Л., 1991. С. 46–50.

¹⁶ Справочная книга о лицах, получивших на 1867 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1867. С. 43; РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4747.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 1350.

¹⁸ «А все лучше записать прошедшее, чтобы читать в будущее время от скуки»: Дневник купеческого сына А. Н. Тарасова. 1848–1851 гг. / Публ. М. А. Смирновой // Исторический архив. 2014. № 5. С. 138–164. Далее ссылки даются на публикацию.

¹⁹ Краткий отчет о новых поступлениях [Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] за 1939–1946 гг. / Под ред. А. И. Андреева. Л., 1951. С. 60.

²⁰ «А все лучше записать прошедшее... С. 140.

²¹ Там же. С. 142.

²² Там же. С. 156.

²³ Там же. С. 155.

²⁴ Там же. С. 140.

²⁵ Там же. С. 142.

²⁶ Там же. С. 142.

²⁷ Краско А. В. Петербургское купечество... С. 21–22.

²⁸ «А все лучше записать прошедшее... С. 148.

²⁹ Там же. С. 156.

³⁰ Краткий исторический очерк возникновения и устройства Елисаветинской богадельни Елисеевых: (По поводу пятидесятилетия со дня ее учреждения): 1856 г. – 18-го окт. – 1906 г. СПб., 1906. С. 8.

³¹ Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. С. 377–379; РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 4743. Л. 2.

³² Краско А. В. Петербургское купечество... С. 21–22.

³³ Там же. С. 200–201.

³⁴ Барышников М. Н. Деловой мир Петербурга: Ист. справ. СПб., 2000. С. 344, 518.

³⁵ См.: Офенгейм А. Т. Семья Тарасовых в Петербурге... С. 44–45.

³⁶ «А все лучше записать прошедшее... С. 141.

³⁷ РГИА. Ф. 1338. Оп. 1 (33/97). Д. 132. Л. 33–34 об.

³⁸ Майорова А. С. Дневник купца Д. М. Вакурова в Госархиве Саратовской области // Отечественные архивы. 2015. № 6. С. 64.

Н. А. Четырина

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСТВА СЕРГИЕВСКОГО ПОСАДА В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Возникшие вокруг Троице-Сергиева монастыря села и слободы в 1782 г. были преобразованы в Сергиевский посад. Посад — это городское поселение, не являющееся административным центром. На посады распространялись все права и привилегии городов. Посад отличался от уездного города (административного центра уезда) отсутствием подсудной территории (уезда), городничего с управой благочиния и других структур уездного управления¹. Население посадов принадлежало к городским сословиям — купечеству, мещанству, цеховым, разночинцам. Экономические крестьяне, ставшие